

Драган Куюнжич

vEmpire: *геополитика и монструозность*¹

Множество является реальной производительной силой нашего социального мира, тогда как Империя оказывается простым аппаратом захвата, существующим лишь за счет витальности множества. Империя, как сказал бы Маркс, – это вампирическая власть накопленного мертвого труда, выживающая лишь за счет того, что высасывает кровь из живых.

Негри и Хардт. «Империя»

О! Берегись! Берегись! Ужасная рептилия свернулась клубком на груди твоего народа; ядовитая тварь пригласилась на нежной груди твоей юной республики: ради Бога, сорви и отбрось это отвратительное чудовище, пусть сила двадцати миллионов раздавит и уничтожит его навсегда.

Фредерик Дуглас. «Что значит для раба 4 июля?»

Буш не думает о черных.

Канье Уэст

Мы – американцы. Мы – это вы.

Энн Райс. «Что значит потерять Новый Орлеан?»

Резкое ускорение мировой истории, наблюдающееся в последнее время, яростное насилие, охватившее планету, – все это вынуждает к размышлениям о возможностях мирного сосуществования в состоянии, называемом глобальным. И это состояние и эти раздумья не новы, модернизация и «мондиализация» – обратные стороны друг друга, они являются неотъемлемой частью того, что называется «современность» (modernity) со всеми ее жес-

¹ Первая версия этого эссе была прочитана в качестве пленарного доклада на конференции Американской ассоциации сравнительного литературоведения в Остине, штат Техас, в сентябре 2003 года под названием «vEmpire, гло-

токими противоречиями. В своем трактате «К вечному миру» Кант блестяще показывает, что «право посещения» принадлежит «всем людям, сознающим себя членами общества, в силу общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и потому должны терпеть соседство других; первоначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли»² (Kant, 1992: 118). Не кто иной, как Ханна Арендт почти шестьдесят лет назад в книге «Истоки тоталитаризма» предупреждала об «опасности того, что мировая, универсально взаимосвязанная цивилизация способна рождать в самой себе варваров, вынуждая миллионы людей, вопреки видимости, к жизни в дикарских условиях» (Arendt, 1958: 302).

Эти слова Ханны Арендт написаны после второго глобального потрясения XX века – Второй мировой войны, послужившей фоном для колоссальной геополитической и расовой *монстрификации* в европейской истории, а именно «Окончательного решения еврейского вопроса». Эта геополитическая монстрификация не так давно обсуждалась в фильме «Истр» Дэвида Бэррисона и Дэниела Росса³. Сюжет фильма развивается по мере движения по реке Дунай, в ходе которого анализируется книга Хайдеггера «Истр» («Дунай»), написанная в 1942 году. Ключевая идея Хайдеггера хорошо известна и по другим его работам: исток западной цивилизации – в Греции, и Запад движется в обратном направлении, *rückwärts*, как

кализация и меланхолия, испытываемая сувереном». Текст с тем же названием опубликован в журнале «Comparativist» (Spring 2005). Версия, представленная здесь, изрядно отличается от первоначальной, она была переписана, дабы включить отсылки к событиям, которые произошли с тех пор. Похожее слово было использовано для описания «vEmpire» в заглавии книги, знакомой русским читателям, а именно «Empire V» Виктора Пелевина (М.: «Эксмо», 2006). Мой заголовок появился на три года раньше пелевинского, и это вЭмпирический факт.

² Кант И. К вечному миру. Соч. в 6-ти тт. Т. 6. М.: «Мысль» 1966, с. 275. – Прим. пер.

³ Фильм основан на лекциях Мартина Хайдеггера 1942 года о Гёльдерлине. 189 минут. Black Box Sound and Image (2004, 2005).

река Истр, или современный Дунай, к своему телеологическому завершению в Германии. В 1942-м Хайдеггер заявил, что Германия – это и есть как западная цивилизация, Европа, так и Греция, исток и русло Дуная, короче, преемница греческого европейского начала. Но в данном повествовании кое-что упущено.

Так, в начале фильма, когда Бернар Стиглер заводит речь о происхождении *технэ* в мифе о Прометее, камера фокусируется на неразлагающихся в природных условиях обломках пластикового мусора, которые несет река. Не сразу понятно, где скапливается этот мусор. По мере развития фильма эти неразлагающиеся останки, эти техно-островки, несомые рекой к ее разделенному, фантазматическому «истоку», появляются без указания географического места еще несколько раз. Пластиковый мусор, таким образом, становится нелокализуемым, молчащим, досимволическим, жутким и зримым «Другим», рассеянным в повествовании о реке и о «Западе». Лишь позже становится ясно, что это скопление мусора, являющееся своего рода «лейтмотивом» киноповествования, – следствие разрушения мостов города Нови-Сад на Дунае на территории бывшей Югославии. Совсем не голубой Дунай, река скорее похожа на Миссисипи. И действительно, в кадре, где мы видим места скопления этого речного мусора, в интертитрах открыто говорится: «Первые восстановленные мосты состояли из заместивших их барж, блокирующих речное движение». «Заместившие» мост баржи, блокирующие речное движение, являются следствием бомбардировки города Нови-Сад силами НАТО весной 1999 года.

В январе 1942 года, как раз когда Хайдеггер пишет лекции, посвященные Истру, немецкие оккупационные войска при пособничестве венгерских военных-коллаборационистов окружили и убили около двух тысяч сербов и евреев, в основном евреев, прямо на месте моста «Свобода», реконструкция которого подробно показана в фильме. Иными словами, фильм повествует об очищении реки от зловонных отходов Европы, о восстановлении мостов, но не упоминает о событии, случившемся именно здесь шестьдесят пять лет назад – об очищении, происходившем в этом самом месте. Во время этого события, известного в Нови-Саде как «Рейд» 1942 года, евреев собрали, выстроили в ряд на местном пляже и расстреляли пулемет-

ными очередями. Это была особенно холодная зима, и Дунай – для Хайдеггера Истр – покрылся льдом. Чтобы проделать отверстия во льду, куда сбрасывали тела расстрелянных, использовался динамит – иногда люди были еще живы, и тогда они умирали от удущья или тонули. Кровавые раны во льду поместили место немецко-еврейской встречи прямо в Нови-Саде, или Neusatz'e, – новом пространстве (для) Новой Европы, на этот раз очищенном от отбросов Европы, от европейских Других. В «Книге Блама» Александра Тишмы как самый оглушительный звук погрома в роман вводится молчание – средства массовой информации промолчали о катастрофе: «Наше новине» [“Наша газета”, местное ежедневное издание] не вышла 21, 22 и 23 января 1942 года, в дни рейда в Нови-Саде (всеобщий комендантский час помешал выйти из дома и журналистам, и наборщикам), но ни в следующем выпуске (25 января), ни в том, что появился за ним, не упоминалось о событии. Словно 25 января на улицах не лежало более тысячи замороженных трупов, снег не был красным от крови, стены не были забрызганы мозгами, а шепот ужаса не проносился через десять тысяч домов» (Tisma, 1998: 95).

Рейд в Нови-Саде 1942 года разорвал закованный в лед Дунай кровавыми ранами, следами укусов на обледеневшей поверхности реки, прервав дыхание европейской истории и сотворив пространство необратимой чистоты. Необратимое – то, что нельзя забыть, оно не поддается природному разложению, это цезура, разрывающая течение европейской истории. Но что – если такое возможно – хуже, чем массовое убийство, так это молчание, структурно встроенное в него метанарративом Европы как Греции, то есть нарративом западного мира, Запада и Дуная как Истра в истолковании Мартина Хайдеггера и в его идеях расового превосходства.

Можно привести конкретные примеры последствий глобализации для национального государства, анализируя распад Югославии, если оставаться в том месте, которое мы посетили в фильме. Правительство Слободана Милошевича особенно преуспело в ликвидации социальной и материальной инфраструктуры прежней Югославии; новое правительство отличалось коррупцией и многочисленными фальсификациями в процедуре выборов; последние выборы Милошевича были сфабрикованы, принять решение об исходе выборов

призвали Верховный суд, и он принял его в пользу Милошевича. Правительство вместе с коррумпированным капиталом, или, если угодно, либерализованным рынком, монополизировало СМИ и использовало их для разжигания невиданной военной истерии. Отмеченное злоупотреблениями в энергетической промышленности (особенно это коснулось нефти и электричества), правление Милошевича, доведшее население до нищеты и буквально погрузившее страну во мрак во всех смыслах этого слова, в то же время позволило некоторым предпринимателям в нефтяной и энергетической отрасли чудовищно разбогатеть за счет остальных граждан этой разрушенной страны. Как же такой режим, для которого убийство премьер-министра Зорана Джинджича было лишь последним и запоздалым спазмом, оставался у власти? Посредством изобретения врага, мусульманского Другого, ставшего излюбленным козлом отпущения. Режим по сути дела сохранялся, пока у него не перевелись козлы отпущения, мусульманские Другие, оставленные гнить в братских могилах в Сребренице в Боснии и Джяковице в Косово, во временных лагерях для интернированных и в городах, стертых с лица земли, как Сараево, и покуда он открыто не выступил против собственного народа. В конце концов этот аутоиммунный поворот нации против самой себя оказался, после огромного опустошения, и проблеском удачи: он спровоцировал народное восстание, свергнувшее Милошевича и даровавшее на короткое время суверенитет самому же народу. Суд над Милошевичем в Гааге был огромным и беспрецедентным шагом на пути к созданию форм правовой защиты на основе международного правосудия.

Во время НАТОвских бомбежек Белграда и Сербии несколько лет тому назад тогдашнего югославского президента Слободана Милошевича (начавшего политическую карьеру с речи перед полумиллионной аудиторией сербов на Косовом поле и пользовавшегося довольно долго поддержкой Запада в качестве гаранта стабильности в этом регионе) уподобили вампиру⁴.

⁴ См., например, карикатуру Дэвида Левина в «The New York Review of Books» (January 30, 1992, Vol. 39, № 3), изображающую «балканского мясника» Милошевича с капающей изо рта кровью.

И конечно, в точности как и в «Дракуле» Брэма Стокера, Милошевич был убит голландским доктором (если верить теории заговора) и погребен после захода солнца, поскольку архиепископ отказался совершить религиозный обряд. В блоге «Вашингтон-Пост» о похоронах Милошевича было написано следующее: «Сербский коллега поспешил заметить, пока мы наблюдали за тем, как гроб с телом Милошевича опускали в сумерках в могилу, что для сербов похороны после наступления темноты – плохая примета, потому что тогда покойник может стать вампиром. Души, согласно местной легенде, не могут упокоиться в промежуток между вечерним и утренним колокольным звоном. В это время дьявол может умыкнуть неуспокоенную душу и обратить тело в ночного ловчего. Но это нормально, уверяет мой коллега. Единственная вещь, которая может преследовать сербов, – это память о Милошевиче». И в годовщину смерти Милошевича разгневанный гражданин попытался воткнуть кол в сердце вампира Милошевича.

В фильме Фрэнсиса Форда Coppola «Дракула Брэма Стокера» (1992) князь Влад Дракула мстит за падение Константинополя и вторжение мусульманского мира в Европу. В романе Стокера Дракула мстит почти пятьдесят лет спустя за поражение в битве на Коссовом поле, или в Косово (1389). Тогда сербские войска, проиграв османским силам, смогли все же остановить их вторжение, установив тем самым южную границу между христианским и мусульманским мирами. Таким образом, Дракула является мстителем, или защитником от мусульманского Другого, основателем и охранителем Европы и христианства. Но в ходе борьбы с Другим он сам уподобляется этому Другому, начиная сажать на кол своих врагов, как это делали турки (поэтому его имя – Влад Колосажатель). Он начинает угрожать и спокойствию и обособленности самого сердца (и вен) империи – Лондону. Поэтому вампира необходимо изгнать из той самой империи, которая произвела его в первую очередь в качестве стража, а также собственной границы. Тут на сцене появляется доктор Ван Хельсинг и его группа поддержки: оснащенные техническими средствами поражения (не только оружие, но и граммофон, патефон, пишущие машинки, телеграф, газеты и журналы, диорамы, кино, поездка, фотогра-

фия, фотокамера «Кодак» (это, между прочим, ее первое появление в литературе), наркотики, химическое оружие вроде морфина и серы, возможность переливать кровь! – и все это для использования в военно-технических целях), они легко вторгаются в другие суверенные земли и ведут войну на них⁵.

Дракула – это и образ распадающейся суверенности, он живет на вершине горы в развалинах замка («суверенный» означает того, кто живет на вершине, а также вершину) в вечной меланхолии (в фильме он плачет черными слезами, что является метонимией черной желчи, *melain chole*); он – тот, кто хранит в себе воспоминания о гибели и распаде собственной суверенности. Во время путешествий он не расстается со своей землей, кровью и деньгами – вот настоящий образ национального государства эпохи второй промышленной революции и накопления капитала. В отличие от техно-братства, свободно странствующего по миру со своим оружием и средствами телекоммуникации, он привязан к крови и почве (пресловутые националистические *Blut und Boden*). Однако интересно то, что оружие технократов повторяет и дублирует способности Дракулы. Он умеет гипнотизировать – у них есть телефон, работающий на расстоянии; он не выдерживает света – не выдерживает его и их пленка «Кодак»; тем самым вампир выступает и самой эмблемой кинопроизводства. Дракула возит с собой свой собственный склеп, а значит и собственную церковь; церкви – могилы и надгробия Бога, как выражается Ницше. По этой же причине Дракула является и воплощением ирландского католичества (фенианское националистическое восста-

⁵ Новаторское исследование «Дракулы» Брэма Стокера и техники воспроизведения проделано Фридрихом А. Киттлером в его книге «Литературные медиа. Информационные системы» в главе «Наследие Дракулы». Этот роман, благодаря техникам воспроизводимости, в избытке вовлеченным в его написание (пишущие машинки, фонографы, фотоаппараты, телеграммы, телеграфы и др.), заставляет «в условиях существования техники исчезнуть литературу (как для Хайдеггера метафизику) в жизни после смерти (un-death) ее незавершаемого завершения» (Kittler, 1997: 83). См. также мгновенно ставшие академической классикой «Лекции о вампирах» Лоуренса Рикелса, где проводится сходная линия исследования.

ние прокралось в образе *румынского* графа в самое сердце британской/английской империи благодаря тайному ирландцу Брэму Стокеру). Наконец, Дракулу вообще следует рассматривать как верящего в пресуществление буквально, как того, кому всегда не хватает вина с воскресной мессы/крови.

С другой стороны, у Джонатана Харкера есть своя доля острой и обжигающей пищи, он едет на восток и ест все больше и больше красного перца. Другое его меню включает мясо, которое он поедает насильно, целую археологию плотности, пищу, возбуждающую жажду, как он говорит, пищу, вызывающую странное жжение на языке и предвосхищающую гендерное приключение нашего вечно томимого жаждой героя. Цыпленок с паприкой и гуляш, дьявольский гуляш, побольше паприки и перца, черного перца (*Piper nigrum*), который, разумеется, есть родовое имя для перца. Джонатан Харкер обнаруживает наличие расы, и поедание других оказывается слишком большим куском, который он не в силах прожевать; вот и дальше приходится все больше откусывать и все меньше прожевывать: в ответ сама еда показывает зубы. (Да позволено мне будет сделать личную ремарку: открытие острой пищи для меня навсегда связано со штатом Луизиана, чье имя я обнаружил, когда рос в Нови-Саде, на этикетке острого соуса Табаско, произведенного компанией Макиллени на острове Эйвери, штат Луизиана. Острая, обжигающая пища – это еще один элемент, общий для Луизианы и вампирического нарратива Балкан; в Новом Орлеане я чувствую себя как дома.)

Напротив, техно-братство экипировано овнутренней протестантской верой, символизируемой голландским врачом Ван Хельсингом, который носит с собой крест и кол – фирменное оружие самого же Дракулы [!!]. (Ван Хельсинг сочетает в себе ученого и протестанта-фундаменталиста, ретрограда и экзорциста, который *очищает огнем*, освобождая от скверны и в то же время лучше всего репрезентируя Просвещенный Запад (West) в образе Люси Вестенра (Westenra) [sic!]. Мы не можем обсуждать здесь еще одну ужасную европейскую традицию, уподоблявшую вампирам европейских евреев и очищавшую их огнем; можем лишь намек-

нуть на еще более зловещие возможности интерпретации⁶.) И конечно, в центре баталии – кровь, образы биополитики и аутоиммунных заболеваний первого порядка. Дракула – на стороне суверенитета национального государства, техно-братство – на стороне глобализации, вампир и vEmpire, одно – обратная сторона и двойник другого. Это можно назвать любовью с первого укуса.

«Дракула» Брэма Стокера позволяет сделать дальнейшие интерпретационные ходы, относящиеся к преобразованию *крови в нефть* и свидетельствующие об огромном аналитическом и прогностическом потенциале этого романа. Граф Дракула живет жизнью живых мертвецов в Румынии, а точнее – Валахии. Ее столица Плоешти (а следовательно, столица графства Дракулы, его суверенных владений) была местом, где во время Второй мировой войны располагались крупнейшие нефтеперерабатывающие предприятия Европы. Город стал мишенью во время одного из крупнейших воздушных налетов, совершенного 1 августа 1943 года. Тогда американцы потеряли наибольшее число своих самолетов и солдат за один-единственный налет: погибло пятьсот сорок летчиков, было сбито пятьдесят четыре самолета – треть всех участвовавших в бомбардировке Плоешти, бомбардировке экономических артерий другой – Германской – империи. (В американских книгах по истории этот рейд называется «черным воскресеньем».) Эта война шла, конечно, не из-за нефти. Она велась из-за крови. И Плоешти – на расстоянии вытянутой руки (этот регион омывают воды все того же Черного моря) от ряда других ближневосточных стран, в которые капитализм давно уже вонзил оба свои клыка в поисках экономической крови. И если и можно усмотреть в фигуре Тони Блэра, этого типичнейшего пособника Буша, слегка чокнутого и истеричного доктора Ван Хельсинга наших дней, не будем забывать, что на стороне последнего был верный, носивший при себе оружие *техасец* Квинси П. Моррис.

⁶ Об истолковании вампира в «Дракуле» Брэма Стокера как еврея см. книгу Джудит Халберстам «Кожу не скроешь: готический хоррор и техника изготовления чудовищ» (гл. «Техники уродства: «Дракула» Брэма Стокера»): «Дракула... еврей-чудовище антисемита <...> Дракула – это сама инородность. Как и у еврея, его функция в готической экономике – быть полной противоположностью всем» (Halberstam, 1995: 105).

Позволю себе напомнить цитату о чудовищности расизма, пригревшегося на груди американской республики, которая фигурировала в самом начале. Вампирическую и экономическую гегемонию США исследует Энн Райс в своем романе «Интервью с вампиром».

Происхождение экономической империи Соединенных Штатов напрямую связано с проблемой отторгаемого, а стало быть, навеки меланхоличного расового и колониального господства, лежащего у истоков Соединенных Штатов и воплощенного в вампире *Лестате* (*Lestat*) (прозрачная анаграмма *Les Etats Unis*, Соединенных Штатов по-французски). В романе этот вампирический/vEmpiric этатистский и экономический экспансионизм показан на американском Юге, точнее – в штате Луизиана, примерно во время Луизианской покупки земель у Франции в 1803 году. Так, Лестат и его ученик *Луи* (ср.: Луизиана) напрямую связаны с колониальной экспансией Соединенных Штатов – *Les Etats Unis*: экономической эксплуатацией плантаций сахарного тростника, высасывающей сладкий прибыль из колониальной экспансии и расового, биополитического и экономического господства. Мы могли бы назвать это *эффектом сахарного Домино*⁷. В романах Райс образцовой географической, геополитической фигурой этого дискриминационного геопространства становится черный город, чья кровь полностью высосана белым хозяином Лестатом, и это, конечно, Новый Орлеан. Место действия «Интервью» жутковато во многих отношениях, не в последнюю очередь поскольку Новый Орлеан – город, обреченный своим здоровьем тому, что его постоянно осушают, с тех самых пор как были основаны Комитет по водоснабжению и канализации и квартал орлеанских дамб – его речные вены и артерии, созданные штатом Луизиана в XIX веке. Но куда более зловещим этот город, откуда когда-то ушла жизнь и в то же время невероятно жизнеспособный и стойкий, предстал сразу после урагана Катрина: теперь *это и место расовой и расистской реакции белого хозяина*, месть со стороны vEmpire, прямо как в романе Райс: «Поселок рабов в Пуант-дю-Ляк напоминал с наступ-

⁷ Игра слов: Domino Sugar – крупнейший американский производитель сахара; «domino effect» – «эффект домино». – *Прим. пер.*

лением темноты кусочек африканского побережья, где даже самый хладнокровный надсмотрщик не стал бы прогуливаться без особой нужды. Впрочем, к вампирам это не относилось» (Rice, 1976: 50). И эта вампиризация напрямую связана со спекуляцией реальным Лестатом, то есть недвижимостью (*real estate*), посредством «вложения денег, увеличения наших земель, покупки квартир и городских домов в Новом Орлеане, которые я сдавал в аренду...»⁸ (Rice, 1976: 49). Одним словом, белый капитал высасывает кровь из живого труда американского раба, а Соединенные Штаты жиреют на недвижимости, оставшейся после этой катастрофы. Не секрет, что целые улицы выкупаются спекулянтами у обнищавших семей, превратившихся в беженцев, и что, по словам Пола Кругмана, «убийственно некомпетентная реакция администрации на ураган Катрина» имела полнейшее «отношение к расе». Энн Райс в статье для «Нью-Йорк таймс» от 4 сентября 2005 года подчеркивала именно черное наследие города, когда она писала: «Что по-настоящему знают люди о Новом Орлеане? Отдают ли они себе отчет в том, что он всегда был не только великим белым метрополисом, но и великим черным городом, городом, где афро-американцы вновь и вновь объединялись, чтобы сформировать сильнейшую в стране афро-американскую культуру? Первый литературный журнал из когда-либо опубликованных в Луизиане был продуктом чернокожих – франкоязычных поэтов и писателей, собравших свои произведения в трех выпусках книжицы под названием “L’Album Littéraire”».

Кроме того, катастрофа стала политически возможной благодаря уничтожению социальной и материальной инфраструктуры города, благодаря сокращению финансирования, которое могло бы помочь предотвратить трагедию, но, как ни парадоксально, это сокращение выделенных для защиты средств проводилось, порождая колоссальный аутоиммунный эффект, во имя внутренней безопасности. «Не стоит царствовать, когда престол непрочен под тобой», – с этими словами современный Макбет бьет в набат, уби-

⁸ http://www.fictionbook.ru/author/rayis_yenn/hroniki_va_1_intervyu_s_vampirem/read_online.html?page=4

(пер. с англ. М. Литвиновой; перевод уточнен). – *Прим. пер.*

ваит и калечит в превентивных целях, потрясает и внушает трепет, и «кровь смывает кровью»⁹. В целях экономии времени я лишь укажу на недавнюю книгу Кристофера Купера и Роберта Блока «Катастрофа: ураган Катрина и провал внутренней безопасности», в которой ответственность за катастрофу недвусмысленно возлагается на администрацию Буша, разрушившую социальную инфраструктуру в Луизиане и сделавшую это как раз во имя внутренней безопасности. (Название главы – «Внутренняя опасность». Чем больше безопасности, тем больше опасности! – прямо как фраза из шекспировского «Макбета». Требуется отдельное прочтение этой пьесы в связи с так называемой войной против терроризма, или внутренней безопасностью.) Нечего и говорить о катастрофической реакции властей и о том описанном в книге обстоятельстве, что первую помощь в эвакуации людей с крыш домов после урагана оказали вовсе не службы США, а канадские альпинисты, пришедшие на выручку из самой Канады за несколько дней до того, как администрация Буша предприняла хоть какую-то осмысленную попытку отреагировать на происшедшее.

И разумеется, так же как и в случае Рейда в Нови-Саде, о котором повествует Александр Тишма в «Книге Блама», еще более ужасным, чем сама катастрофа, если такое возможно (или это вещи параллельные), являются бездействие и молчание, последовавшие за ней. Медийный вампир давно переключился на другие, более сочные темы, и название книги Райс «Интервью с вампиром» и в этом смысле является опережающим. В статье, недавно опубликованной в газете «Нэйшн», Том Энгельхардт, авторитетный обозреватель, руководящий институтом по изучению СМИ при этой газете, пишет именно о таком коротком всплеске медийного внимания: «Все вместе эти ученые мужи, “говорящие головы”, журналисты и эстрадные артисты могут рассматриваться так, как если бы они были безумным выводком Энн Райс и Руперта Мердока, устремившимся к источнику крови, которым в этот выборный сезон является ваш энтузиазм, а также любые преходящие надежды, которые вы можете связывать с будущим. Их энтузиазм

⁹ «Макбет», акт III, сцена 1. Перевод Б. Пастернака. – *Прим. пер.*

состоит в том, чтобы впиться в ваш энтузиазм и высосать его до последней капли» (Engelhardt, 2008).

Продолжая метафору крови и аутоиммунных заболеваний, этот позорный эпизод в истории США (отсутствие реакции перед лицом катастрофы, разрушение механизма, который мог бы защитить, предотвратить или помочь справиться с бедой) стал возможен в то самое время, когда происходит крупнейшее в истории США наращивание и расходование средств в протекционистских и оборонительных целях. Как писал Жак Деррида в работе «Аутоиммунитет: реальные и символические самоубийства», одиннадцатое сентября напоминает «многочисленные аутоиммунные движения, которые порождают, изобретают и питают ту самую монструозность, чье преодоление они отстаивают на словах» (Borradori, 2003: 99)¹⁰.

Мир будущего и будущее мира, который мы называем глобальным, не придет и ничего не случится без призыва к справедливости. Приход и, стало быть, будущее того, что грядет, *à-venir*, «будет отмечено раскрытием и экспозицией другому – тому, что грядет, и тому, кто грядет, – и поэтому должно оставаться неисчислимым и неисчислимым» (Derrida, 2003: 210). Куда нам обратиться за надеждой и за образцами практического действия, гражданской солидарности, которые помогли бы в восстановлении и исцелении, но также и в преображении гнетущего пейзажа, оставленного vEmpire после урагана Катрина? Признаки надежды могут по-прежнему связываться скорее с волонтаризмом, по-

¹⁰ Недавняя невероятно популярная в США книга «Сумерки» и сделанный по ней сериал о вампирах повествуют как раз об аутоиммунном разрушении гео- и биополитики Соединенных Штатов. Главная героиня, Белла Свон, дочь шефа полиции, находится в перманентной опасности, и чем больше ее защищают персонажи, символизирующие американские службы охраны порядка (отец = начальник полиции), тем более угрожающим становится ее положение. Во втором фильме сериала «Сумерки, новолуние» в одной сцене даже *показано*, как она, выбегая из дома, прижимает к груди американский паспорт. С другой стороны, второй главный герой Эдвард – (хороший) вампир, защищающий Беллу, – изображен человеком с белой кожей, которая сверкает под лучами солнца – недвусмысленное указание на его расовое происхождение. «Плохие» вампиры в фильме – конечно же, черные.

сколько не являются структурными или реальными. В своей недавно опубликованной книге «Доктрина шока» Наоми Кляйн удается разглядеть проявления надежды в разрушенном Новом Орлеане, и ими она и завершает книгу: «В феврале 2007 года группы людей, жившие в муниципальных домах, которые администрация Буша планировала снести, начали вновь “захватывать” свои старые жилища и селиться в них. Добровольцы помогали очистить квартиры и собирали деньги для покупки генераторов и солнечных батарей. <...> Было чему радоваться. По крайней мере на данный момент одному этому сообществу удалось избежать великого культурного бульдозера, который называет себя реконструкцией» (Klein, 2007: 465). Какими бы слабыми они подчас ни казались, эти признаки могут быть преобразующими и даже угрожающими в отношении vEmpire как раз потому, что они не подчиняются вампирической логике превращения всего во всеобщий эквивалент, каким являются деньги. Я нахожу некоторое утешение в следующем факте поэтически окрашенной справедливости: Брэд Питт, играющий Луиса в фильме «Интервью с вампиром», находится на передовой линии восстановления девятого административного района с проектом «Поступай по справедливости»¹¹, в рамках которого ведется строительство ста пятидесяти домов. Может, это и не большой шаг по сравнению с реальными нуждами, а также с жестокостью несправедливости, но он символичен – обещание будущего и обещание, даваемое ради него.

¹¹ См. беседу Брэда Питта с Чарли Роузом о его проекте «Поступай по справедливости»: «Участники “Поступай по справедливости” строят сто пятьдесят домов в Девятом нижнем районе, одном из наиболее пострадавших в Новом Орлеане» (*Rose Ch. An Hour with Brad Pitt*, PBS (Public Broadcasting Service), December 17, 2007).

Библио-и фильмография

- Arendt, Hannah.* The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt Brace & Company, 1976 [1958].
- Bauman, Zygmunt.* Wasted Lives. Modernity and Its Outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004.
- «Une planète pleine et sans espace,» *Libération*, lundi, 21 juillet, 2003, 5.
- Borradori, Giovanna.* Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida. Chicago: Chicago University Press, 2003. [French edition: *Derrida, Jacques & Habermas, Jürgen.* Le «concept» du 11 septembre; dialogues à New York (octobre-décembre 2001). Paris: Galilée, 2004].
- Chaplin, Charles.* The Great Dictator. Black and White. Run time 128 minutes. Film: Twentieth Century Fox. Theatrical Release Date: October 15, 1940. Video: Twentieth Century Fox. Release Date: November 5, 1992.
- Coppola, Francis Ford.* Bram Stoker's Dracula. Color. Run time 128 minutes. Film: Columbia/Tristar Studios. Theatrical Release Date: November 13, 1992. Video: Columbia/Tristar Studios. Release Date: September 3, 2002.
- Deleuze, Gilles & Parnet, Claire.* Politics. In: On the Line. Trans. John Johnston. New York: Semiotext(e), 1983.
- Derrida, Jacques.* Voyous [Rogue States]. Paris, Galilée, 2003.
- Without Alibi. Trans. Peggy Kamuf. Stanford: Stanford: Stanford University Press, 2002.
- On Cosmopolitanism and Forgiveness. Trans. Mark Dooleyark Dooley and Michael Hughes. London and New York: Routledge, 2001.
- Engelhardt, Tom.*
www.tomdispatch.com/post/174890/the_spectacle_of_campaign_2008
- Goldsworthy, Vesna.* «Invention and Intervention: The Rhetoric of Balkanization.» In: Balkan As Metaphor. Between Globalization and Fragmentation. Eds., Dusan I. Bjelic and Obrad Savic. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2002.
- Inventing Ruritania. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Halberstam, Judith.* Skin Shows: Gothic Horror and the Technology of Monsters. Durham and London: Duke University Press, 1995.
- Hardt, Michael & Negri, Antonio.* Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2001.
- Hardwicke, Catherine.* Twilight. Two Disc DVDs. Summit Entertainment, October 2009.
- Jameson, Fredric.* «Notes on Globalization as a Philosophical Issue.» In: The Cultures of Globalization. Fredric Jameson and Masao Miyoshi, Eds.

- Durham and London: Duke University Press, 1998.
- Kant, Immanuel*. Perpetual Peace and Other Essays. Trans. Ted Humphrey. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1992.
- Kittler, Friedrich A.* Literature Media. Information Systems. Amsterdam: G+B Arts, 1997.
- Klein, Naomi*. The Shock Doctrine. The Rise of the Disaster Capitalism. New York: Metropolitan Books, 2007.
- Longinovic, Tomislav*. «Vampires Like Us: Gothic Imaginary and ‘the Serbs.’» In: Balkan As Metaphor. Between Globalization and Fragmentation. Eds., Dusan I. Bjelic and Obrad Savic. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2002.
- Mastnak, Tomaz*. Crusading Peace. Christendom, the Muslim World, and Western Political Order. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Nancy, Jean-Luc*. La création du monde *ou* la mondialisation. Paris: Galilée, 2002.
- Rice, Anne*. Interview with the Vampire. New York: Ballantine Books, 1976.
- «Do You Know What It Means to Lose New Orleans?» New York Times, September 4, 2005, Op-Ed pages. Online at <http://www.nytimes.com/2005/09/04/opinion/04rice.html>
- Rickels, Lawrence*. Vampire Lectures. Minneapolis: Minnesota University Press, 1995.
- Stoker, Bram*. Dracula. Eds., Nina Auerbach and David J. Skal. New York: A Norton Critical Edition, 1999.
- Tisma, Aleksandar*. The Book of Blam. Trans. Michael Henry Heim. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1998.
- [Serbian/Croatian edition: *Tisma, Aleksandar*. Knjiga o Blamu. Beograd: Nolit, 1972].
- Valente, Joseph*. Dracula’s Crypt. Bram Stoker, Irishness, and the Question of Blood. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2002.